

Слова С.О. Шмидта напомнили мне рассказ Ольги Михайловны о ее занятиях историей географических открытий и картографией. Этот рассказ был совсем не о благополучном процессе изучения широкого спектра исторических источников и публикации старинных карт. В 1964 г. Медушевская отказалась от занятий историей картографии и интереснейшим видом документов – старинными географическими чертежами и картами России. Произошло это в связи с подготовкой и после издания «Атласа географических открытий в Сибири XVII–XVIII вв.». Ольга Михайловна говорила, что это ее сознательный выбор и причиной его были возникшие в процессе подготовки Атласа цензурные вмешательства и ограничения. Тогда об этом было сказано мимоходом и без подробностей.

Недавно мне пришлось столкнуться со следами и последствиями деятельности того неведомого цензора-историка. Наводя справки о редкой итальянской карте 1566 г., на которой показан и впервые именован Анианский пролив между Азией и Америкой, я обнаружил, что в Атласе 1964 г. эта карта (№ 14) воспроизведена с частично вымаранным текстом в титульном картуше. Поскольку эта карта воспроизводилась в разных изданиях и до и после 1964 г. восстановить изъятый текст было легко. Оказалось, что цензором были изъяты слова, обозначающие место и год издания, имя составителя или гравера этой карты: *Venetijs aeneis formis Bolognini Zalterij Anno. M.D.LXVI.*

Через несколько лет А.В. Ефимов, редактор того Атласа 1964 г., в очередном издании своей истории русских географических открытий, вышедшем в 1971 г., снова воспроизвел сфабрикованное изображение упомянутой карты. А Ольга Михайловна выбрала отказ от участия в дальнейшем распространении подделок исторических документов. Кажется, что случай мелкий, но достоинство его заслуживает памяти.

© 2010 г. С. А. КРОПАЧЕВ*

НОВЕЙШАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О МАСШТАБАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В 1937–1938 годах

В данной статье будут рассмотрены отечественные исследования 2000-х гг. о жертвах «большого террора»¹. Необходимо отметить, что первые публикации, в которых назывались цифры потерь от сталинских репрессий, появились в конце 1980-х гг.² Это было время острых политических дискуссий, столкновений различных общественных мнений и взглядов. Исторические сюжеты являлись важнейшим фактором размежевания политических сил, а выводы о величине потерь СССР в годы «большого террора», Великой Отечественной войны, депортаций и голода, предлагавшиеся в средствах массовой информации, стали одним из главных аргументов в спорах «демократов» и «номенклатурщиков». Дискуссии и споры не всегда были результативными, но период конца 1980-х – середины 1990-х гг. был весьма важным в отношении определения истинных масштабов потерь советского государства, в том числе и в годы «большого террора». Без этого периода выявления и публикации ранее закрытых документов невозможно было бы собрать богатый «урожай» публикаций 2000-х гг.

В новейшей отечественной историографии о потерях СССР в годы «большого террора» освещаются не только масштабы массовых политических репрессий в середине 1930-х гг., но и судьбы репрессированных, уровень смертности заключенных в местах лишения свободы, влияние террора на демографические процессы и социально-экономическую ситуацию в стране накануне Второй мировой войны.

* Кропачев Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета.

В начале 2000-х гг. вышло несколько глубоких трудов по демографической истории России первой половины XX в.: 1-й том коллективной работы «Население России в XX веке»³, монографии В.Б. Жиромской⁴ и В.А. Исупова⁵. Впервые в отечественной историографии были названы истинные масштабы массовых политических репрессий середины 1930-х гг. В 1937–1938 гг. в СССР подвергались аресту 3 141 444 человека, из них 1 575 259 – по обвинению в политических преступлениях и 1 566 185 – уголовных. В эти годы по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 человека, из них 681 692, или 50.7%, приговорено к расстрелу⁶. Кроме того, в исправительно-трудовых лагерях (далее – ИТЛ), исправительно-трудовых колониях (далее – ИТК) и тюрьмах⁷ в эти годы от различных причин умерло 160 084 заключенных⁸, часть из которых была осуждена по политическим мотивам⁹. Добавив к двум последним цифрам некоторый процент тех политических, кто был осужден и расстрелян по уголовным статьям или умер в эти годы в ГУЛАГе, получим неутешительный итог: «В 1937–1938 гг. в результате карательной деятельности государства страна потеряла около 1 млн человек погибшими»¹⁰. Если принять во внимание, что большинство из «политических», уничтоженных в эти годы, были мужчинами трудоспособного возраста, многие из которых имели высокий социальный статус, профессиональный опыт, образование, не трудно представить катастрофические последствия «большого террора» для судеб страны и армии за несколько месяцев до начала Второй мировой войны¹¹.

Публикациями 2000–2001 гг. была поставлена точка в многолетней дискуссии о количестве репрессированных, осужденных и расстрелянных по политическим мотивам, заключенных в ИТЛ, ИТК и тюрьмах в годы «большого террора». Период, когда исследователи, публицисты, а зачастую и псевдоученые жонглировали цифрами, многократно преувеличивая масштабы потерь в 1930-е гг., закончился. Это важно не только с позиций исторической правды и справедливости. Период политической стабильности 2000-х гг. свел на нет необходимость для разных политических сил привлекать «жареные» факты, в том числе и о количестве жертв «большого террора», для достижения своих конъюнктурных целей, решения тактических задач.

За последние годы исследователи существенно продвинулись в изучении видов репрессий и категорий репрессированных¹², механизмов массовых политических акций¹³, динамики численности заключенных в местах лишения свободы, их качественном составе¹⁴, национальных операций НКВД¹⁵, депортаций¹⁶ и истории спецпоселенцев¹⁷. В фундаментальном исследовании коллектива сотрудников Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН «Демографические модернизации России, 1900–2000», под редакцией А.Г. Вишневского¹⁸ выделяются три главных вида репрессий, имевших прямые демографические последствия, – массовое применение смертной казни, заключение миллионов людей в тюрьмы, лагеря и колонии и массовые депортации¹⁹, дается описание механизма осуществления печально известного оперативного приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. Центральная власть выдавала разнарядку («квоты») по всем административным районам страны на арест, в том числе и с последующим расстрелом²⁰. Приказ также подробно определял категории («контингенты») лиц, подлежащих репрессиям по социальным и политическим признакам²¹. Современные исследователи проанализировали еще одну группу советских граждан, подвергшихся массовому террору вслед за «врагами народа». Это так называемые ЧСИРы – члены семей изменников Родины, жены и дети репрессированных²². Менее чем за полтора года по неполным данным по стране было арестовано более 43 тыс. жен и детей «шпионов» и «диверсантов»²³.

Особой глубиной и новизной отличаются исследования, посвященные динамике численности заключенных в местах лишения свободы в ИТК и ИТЛ, а также по регионам СССР, их характеристикам, причинам и масштабу смертности в 1930–1940-е гг. Тема эта, как известно, не изучалась в отечественной историографии. Постепенное рассекречивание соответствующих источников в 1990-е гг. позволило историкам

впервые обратиться к этой новой проблеме²⁴. Количество ИТК, ИТЛ и тюрем в 1930-е гг. постоянно росло. Так, в 1932 г. в СССР насчитывалось 11 ИТЛ, в начале 1935 г. – 15, в начале 1939 г. – уже 42²⁵. Быстро росла численность заключенных в ИТЛ, ИТК и тюрьмах. К середине 1937 г., моменту принятия решений о начале массовых политических репрессий, ГУЛАГ был готов поглощать сотни тысяч новых жертв. С июля 1937 г. в лагеря, колонии и тюрьмы²⁶ хлынул небывалый поток осужденных. За 9 месяцев (с 1 июля 1937 по 1 апреля 1938 г.) число заключенных (уголовных и политических) в местах лишения свободы увеличилось более чем на 800 тыс. человек²⁷. По состоянию на январь 1939 г. в ИТК, ИТЛ и тюрьмах насчитывалось 2 022 976 заключенных²⁸.

ГУЛАГ образца середины 1930-х гг. фактически превратился в фабрику постепенного уничтожения заключенных. Тяжелый труд, болезни, сложные климатические и бытовые условия, издевательства конвоя, плохое питание²⁹ и другие негативные факторы привели к массовому истощению и всплеску смертности «населения» ИТЛ, ИТК и тюрем³⁰. В 1938 г. в тюрьмах и колониях умерло в 4,4 раза больше заключенных, чем в 1937 г. В ИТЛ в этом году смертность была в 3,6 раз выше предыдущего года³¹. Об итогах такого отношения к заключенным в 1937–1938 гг. мы уже упоминали.

В 1937–1938 гг. было проведено несколько «национальных» операций НКВД СССР. Наиболее крупные из них – «польская» и «немецкая» – в 1990-е гг. были достаточно изучены отечественными историками³². К исследованию других ученые только приступили («латышская»³³), а некоторые «национальные» операции, например, репрессии против «харбинцев» (бывших служащих КВЖД) еще ждут своего часа. Мощным толчком к изучению «греческой» операции НКВД (декабрь 1937 г. – май 1938 г.) явилось осуществление с мая 2004 г. Ассоциацией греческих общественных объединений России проекта «Греческий мартиролог» (История репрессии против греков в СССР). В рамках этого проекта в 2006 г. и 2008 г. вышли две книги И.Г. Джухи³⁴. Первая из них была посвящена «греческой» операции. Обширный исторический и личный материал позволил автору сделать ряд принципиальных выводов, в том числе и о количестве репрессированных греков. В ходе осуществления «греческой» операции, по утверждению автора, было репрессировано от 21 200 до 25 200 человек, из них от 17 тыс. до 21 200 расстреляно. Это составляет более 80% всех репрессированных. В масштабах всей страны греческая операция вышла (вместе с «финской» и «эстонской») в «лидеры». У них был самый высокий процент расстрелянных³⁵. Всего по «национальным» операциям НКВД в 1937–1938 гг. в СССР, по данным Н. Охотина, было осуждено около 350 тыс. человек, 71% из которых были приговорены к смертной казни³⁶.

В годы «большого террора» государство применяло и такой вид репрессий как массовое насильственное переселение народов. Депортации и раньше применялись большевистским режимом, например, на Северном Кавказе, Семиречье в период Гражданской войны и начале 1920-х гг. Только в 1930–1931 гг. в ходе «кулацкой ссылки» на спецпоселения были выселены 1 803 тыс. крестьян³⁷. Как известно, в 1940-е гг. многие народы полностью были депортированы в окраинные районы страны, что привело к необратимым демографическим, экономическим и иным последствиям, а в более позднее время – межнациональным конфликтам. Всего в 1930–1950-е гг. было депортировано от 6 до 6,4 млн человек³⁸. При транспортировке в места ссылки и в период нахождения там умерли не менее 1,2 млн человек³⁹, или каждый пятый.

Депортации были организованы, как известно, по социальному («кулаки»), этническому («наказанные» народы), религиозному (представители «неправильных» религиозных вер) и политическому (оуновцы) признакам. Примером первых массовых депортаций середины 1930-х гг., осуществленных по национальной принадлежности, стало насильственное переселение в 1935 г. из Ленинградской обл. и Карелии 23 217 финнов, в 1936 г. из УССР (районы вблизи границы с Польшей) 69 283 поляков, в 1937 г. из Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана

4 280 курдов⁴⁰. Но самым массовым и трагичным было переселение в конце сентября 1937 г. с территории советского Дальнего Востока 171 781 корейца (36 442 семьи)⁴¹. В 2000-е гг. именно эта, первая по времени осуществления самая массовая этническая чистка, изучалась исследователями наиболее основательно. Этой теме были посвящены научные конференции, исследовательские работы, публикации мартирологов жертв⁴². Всего в годы «большого террора» было депортировано по этническому признаку 268 561 человек.

Учитывая высокую смертность на спецпоселениях, можно предположить, что около 50 тыс. из них погибло. Их также отнесем к жертвам «большого террора».

Говоря об историографии массовых депортаций, особо хочется остановиться на работах П.М. Поляна. Его несомненной заслугой является определение ключевых понятий в избранной области, установление четкой хронологии депортаций и их масштабов. По данным ученого, с 1919–1920 по 1952–1953 гг. «было депортировано около 15 млн человек, из них 6 млн пришлось на внутренние и 9 млн на внешние (международные) депортации (из них 5.8 млн на депортации в СССР и 3.2 млн – депортацию советских граждан за пределы СССР)»⁴³. За эти годы было проведено «53 сквозных депортационных компаний и около 130 операций» разных масштабов⁴⁴.

Региональный аспект историографии «большого террора» заслуживает отдельного внимания. В последние годы выросло не только количество, но и качество публикаций на эту тему⁴⁵. Различные аспекты репрессивной политики советского государства обсуждались на региональных конференциях⁴⁶. Мощным фактором, влияющим на определение масштабов политических репрессий в регионах, стала работа по обнаружению имен незаконно репрессированных граждан. Публикация таких списков была начата еще до распада СССР. В начале 1990-х гг. стали выходить первые «Книги памяти»⁴⁷. В мае 2000 г. по инициативе Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» в Нижнем Тагиле была проведена научно-практическая конференция «Проблемы создания Единого электронного банка данных жертв политических репрессий в СССР». По итогам конференции был начат проект «Возвращенные имена». За 10 прошедших лет создана единая база данных, составленная из материалов региональных «Книг памяти», которые уже вышли в свет или подготовлены к изданию. Результаты этой титанической работы, дополненные информацией из ряда других источников, составляют основное содержание электронного издания Международного общества «Мемориал» «Жертвы политического террора в СССР». В 2007 г. вышла четвертая версия, которая содержит 2 614 978 имен репрессированных из бывших республик СССР⁴⁸. Количество тех из них, кто был арестован и осужден по политическим мотивам на территории РСФСР, составляет примерно 1.6 млн человек.

Как видим, работа по обнаружению имен жертв государственного террора далека от завершения. В разных регионах итоги работы по подготовке и изданию «Книг памяти» жертв политических репрессий неодинаковы. Примерно в полутора десятках субъектов они еще не изданы. В Самарской обл. издана 21 Книга, Республике Татарстан – 18, Псковской обл. – 15, Ставропольском крае – 13. В Республике Коми работа по выпуску «Книг памяти» приобрела статус республиканской государственной программы. Здесь выпущено уже 8 фундаментальных томов серии «Покаяние», охватывающих не только тех, кто был репрессирован на территории республики, но и тех, кто отбывал здесь свои лагерные сроки, и тех, кто был отправлен сюда на спецпоселение⁴⁹. Всего по состоянию на апрель 2009 г. в регионах России издано около 300 «Книг памяти» жертв политических репрессий⁵⁰. Однако в стране не существует государственной программы увековечения памяти жертв политических репрессий. Нет федерального нормативного акта, предписывающего готовить и издавать «Книги памяти», не разработана единая методика и общие критерии отбора сведений. Поэтому качество этих книг совершенно разное. Но в целом они приближают нас к пониманию истинных масштабов потерь в годы массовых политических репрессий и их пика – «большого террора».

Одним из свидетельств глубокого изучения проблемы потерь СССР в годы «большого террора» является выход историографических работ О.В. Хлевнюка⁵¹, В.Э. Багдасаряна⁵², А.С. Кана⁵³, О. Климовой⁵⁴. В недавней монографии Дж. Кипа и А.Л. Литвина проанализирована как западная, так и российская литература по всему комплексу данных проблем⁵⁵.

В заключение отметим, что период 2000-х гг. стал временем глубоких, серьезных публикаций отечественных историков о государственном терроре 1930-х гг. Сделано очень многое в изучении его причин, масштабов, механизмов, видов репрессий и категорий репрессированных. Определены масштабы «большого террора», названа поименно часть его жертв. Однако работа по изучению всех проявлений политических репрессий, тем более — по увековечению памяти репрессированных не завершена. Она продолжается во имя правды и исторической справедливости, создания государственных и общественных демократических механизмов и институтов, которые сделали бы невозможным повторение репрессий.

Примечания

¹ Впервые термин «большой террор» был введен в научный оборот английским ученым Р. Конквестом в 1968 г. Существуют различные трактовки хронологических рамок «большого террора», как правило, охватывающие 1930-е гг. В данной статье речь идет о событиях 1937–1938 гг., когда в стране осуществлялся оперативный приказ наркома внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов.

² *Медведев Р.А.* Наш иск Сталину // *Московские новости*. 1988. 27 ноября; *Максудов С.* Потери населения СССР. М., 1989; *Земсков В.Н.* Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // *Аргументы и факты*. 1989. № 39; *его же*. Численность и состав ссыльно-поселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г. // *Аргументы и факты*. 1989. № 40; *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // *Вопросы истории*. 1989. № 6; и др.

³ *Население России в XX веке*. В 3 т. Т. 1. М., 2000.

⁴ *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

⁵ *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

⁶ *Население России в XX веке*. Т. 1. С. 318.

⁷ Без учета контингента спецпоселений.

⁸ *Население России в XX веке*. Т. 1. С. 320; *Исупов В.А.* Указ. соч. С. 118; *Голотик С.И., Минаев В.В.* Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004. С. 161.

⁹ *Земсков В.Н.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // *История СССР*. 1991. № 5. С. 152.

¹⁰ *Исупов В.А.* Указ. соч. С. 118.

¹¹ За 1 418 дней Великой Отечественной войны Красная армия потеряла 180 человек высшего состава от командира дивизии и выше, а за несколько предвоенных лет (в основном в 1937 и 1938 гг.) было по надуманным сфабрикованным политическим обвинениям арестовано более 500 командиров в звании от комбрига до Маршала Советского Союза, из них 29 умерли под стражей, а 412 расстреляны. См.: *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998. С. 317.

¹² *Печенкин А.А.* Военная элита СССР в 1935–1939 гг. Репрессии и обновление. М., 2003; *Рогинский А., Даниэль А.* «Аресту подлежат жены» // Узницы «Алжира». Список женщин-заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М., 2003; За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб., 2002; *Демографическая модернизация России, 1900–2000*. М., 2006; и др.

¹³ *Кропачев С.А.* Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930–1940-х годов. Краснодар, 2006; *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области. 1937–1938. М., 2004; *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009; и др.

¹⁴ Население России в XX веке; *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; Демографическая модернизация России, 1900–2000; и др.

¹⁵ *Джуха И.Г.* Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. СПб., 2006; *Бугай Н.Ф.* Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М., 2002; и др.

¹⁶ *Бугай Н.Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). М., 2006; *Бердинских В.А.* Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005; и др.

¹⁷ *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005; *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. М., 2008; и др.

¹⁸ Демографическая модернизация России, 1900–2000.

¹⁹ Там же. С. 413.

²⁰ Там же. С. 414.

²¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 274.

²² *Рогинский А., Даниэль А.* Указ. соч.

²³ Там же. С. 22, 24.

²⁴ Население России в XX веке. Т. 1. С. 311.

²⁵ Там же.

²⁶ Тюремь не входили в систему ГУЛАГа НКВД.

²⁷ *Иванова Г.М.* Указ. соч. С. 193.

²⁸ Там же; *Кропачев С.А.* Указ. соч. С. 21.

²⁹ Увеличенная в 1939 г. норма питания до 3 тыс. калорий в день для заключенных ГУЛАГа просуществовала недолго и была снижена примерно наполовину в первые месяцы Великой Отечественной войны. См.: Население России в XX веке. Т. 1. С. 318.

³⁰ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 428–431.

³¹ Население России в XX веке. Т. 1. С. 318, 319, 321.

³² Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999; *Дель О., Мусиенко Н.* Между Гитлером и Сталиным // Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 8. М., 2004. С. 291–314; *Ченцов В.В.* Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998; *Плохотнюк Т.Н.* Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001; *Пермские поляки.* Пермь, 2001; Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997; и др.

³³ *Штраус В.* Латышский дневник // Бутовский полигон. Вып. 8. С. 261–290.

³⁴ *Джуха И.Г.* Греческая операция; *его же.* Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб., 2008.

³⁵ *Джуха И.Г.* Греческая операция. С. 396–397.

³⁶ Российская история. 2009. № 1. С. 212.

³⁷ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 423.

³⁸ Там же. С. 424; *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 281.

³⁹ *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 281.

⁴⁰ Там же. С. 78–82.

⁴¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 651.

⁴² 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация). М., 2004; *Бугай Н.Ф.* Российские корейцы и политика «солнечного тепла»; *Пак Б.Д., Бугай Н.Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004; *Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938.* Кн. 1–10. М., 2000–2008; и др.

⁴³ *Полян П.М.* Указ. соч. С. 239–240.

⁴⁴ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 422.

⁴⁵ *Убушаев В.Б., Убушаев К.В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959. Элиста, 2007; *Максимов К.Н.* Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004; *Яковлев Н.М.* Жертвы сталинских репрессий в Якутии // Вопросы истории. 2003. № 12; *Ватлин А.Ю.* Указ. соч.; *Кропачев С.А.* Указ. соч.; и др.

⁴⁶ Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР: Материалы V Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2008; Политические репрессии в России. XX век. Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г. Сыктывкар, 2001; и др.

⁴⁷ Расстрельные списки. Вып. 1. Донское кладбище. 1934–1940. М., 1993; Расстрельные списки. Вып. 2. Ваганьковское кладбище. 1926–1936. М., 1995; и др.

⁴⁸ Помимо Российской Федерации представлен материал из Беларуси, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Украины.

⁴⁹ Текущий архив Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал».

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Хлевнюк О.В.* «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004.

⁵² *Багдасарян В.Э.* «Загадочный тридцать седьмой»: опыт историографического моделирования // Историография сталинизма. Сб. статей. М., 2007.

⁵³ *Кан А.С.* Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР // Отечественная история. 2003. № 1.

⁵⁴ *Климкова О.* ГУЛАГ: от мифотворчества к изучению // *Ab Imperio*. 2005. № 3.

⁵⁵ *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009.